

Галина Семькина

«Память древности светлой, величие Понта, беседы...»

Н.И. Гнедич в Одессе

В 1829 году в Петербурге был издан полный стихотворный перевод «Илиады» Гомера, впервые выполненный размером оригинала – гекзаметром. Перевод был осуществлен известным поэтом, драматургом, переводчиком Николаем Ивановичем Гнедичем (1784, Полтава, – 1833, Петербург), посвятившим вдохновенному труду более двадцати лет жизни. Заключительный этап работы над переводом Гомеровою поэмы проходил в Одессе.

В личном деле библиотекаря Императорской публичной библиотеки стоит пометка: «С 9 августа 1827 года уволен на год в отпуск в Южную Россию». Причиной столь длительного отпуска было состояние здоровья поэта, «расстроенного трудами и прилежанием к наукам на пользу словесности».*

Поэт был уже немолод, одинок, его преследовали чувства усталости и разочарования. Настроение поэта отчасти передают

Н.И. Гнедич. Литография А. Мюнстера

* Тиханов П.Н. Н.И. Гнедич. Несколько данных для его биографии. – СПб., 1884, с. 80.

стихотворный отрывок «Тантал и Сизиф в аде» (1827) и заметка в записной книжке: «Государства доводятся до такого положения, что в них мыслящему человеку ничего не можно сказать без того, чтобы не показаться осуждающим и власти, которые это делают, и народ, который это переносит. В такие времена безнадежные должны молчать».**

Во второй половине августа 1827 года Н.И. Гнедич приехал в Одессу.

К сожалению, сохранилось не много документальных свидетельств о пребывании поэта в нашем городе, и лишь по фрагментам переписки Гнедича с В.А. Жуковским, И.И. Козловым, М.Е. Лобановым, А.И. Олениным, А.П. Зонтаг и др., по воспоминаниям А.С. Стурдзы и некоторым известным нам архивным документам можно восстановить обстоятельства жизни поэта в Одессе.

Жил Гнедич в центре города по соседству со знакомыми – Аргутинскими, Шемиотами (дом бывшего екатеринославского вице-губернатора В.Л. Шемиота находился на ул. Елисаветинской, 21).

Южный солнечный город и море произвели на Гнедича прекрасное впечатление. В письме к А.Н. Оленину (сентябрь 1827 г.) поэт восторженно восклицал: «...Черное море, как ворона крыло, чернеется вдаль – море, над которым некогда, может быть, покоились очи Гомера. Здесь, на этом берегу – Ольвия, которой счастливые жители ничего не читали, кроме Гомера. Там, на том берегу – Византия, а там – *Campi ubi fuit Troia*. Какие места, почтеннейший Алексей Николаевич, для поклонников Гомера! Если бы я был здоров!»***

«Слава Богу, что вы довольны Одессою», – писал Гнедичу П.А. Плетнев в конце сентября 1827 года.****

Но с наступлением холодов настроение Гнедича, надеявшегося на скорое выздоровление, резко изменилось. Зима выдалась нетипичная для южного города. «Одесский вестник» (1828,

** Там же, с. 75.

*** Цит. по: Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII-XIX веков. – М., 2001, с. 230.

**** Письмо П.А. Плетнева Н.И. Гнедичу. СПб., 1827, 30 сентября. – ИРЛИ (Пушкинский дом), Рукописный отдел. СПб., №140, 1м.

№ 11, 8 февраля) отмечал: «Зима суровая, какой не припомнят и старожилы здешние; улицы покрытые снегом, окна посеребрённые морозом, гавань и весь берег моря запертые льдом, наконец, долговременное положение Одессы в этом виде...».

В письме к И.И. Козлову от 17 января 1828 года Н.Н. Гнедич жаловался:

«...Я часто встаю при 8 градусах тепла в комнате, не смотря, что калю печи крымским дубом, которого сажень здесь теперь обходится от 75 до 90 рублей.

Жизнь несносная, нет ни выхода, ни выезда из дома: осенью от грязи по колено, теперь от снега по пояс; здесь не только улиц, и дворов не чистят. У меня ворота целую неделю были завалены горою снега; по целой неделе я иногда не могу пробраться к Шемиотам...

<...> Если одесская весна и лето будут ко мне так же немилосердны, придется <...> возвратиться домой с прежним, расстроенным здоровьем».*

В.А. Жуковский, озабоченный судьбой старого друга, в октябре 1827 года отправил в Одессу своей племяннице, начинающей писательнице А.П. Зонтаг (1785-1864), письмо с просьбой поддержать поэта: «Скажите Гнедичу, что я получил письмо его и вместо того, чтобы писать к нему особенно, решился обнять его в вашем письме и вам поручить позвать ему дружески руку. Это значит, что я от себя поручил его вашей дружбе. Радуюсь, что он с вами, – это поможет ему вылечиться. Радуюсь, что вы с ним познакомились. С ним будет у вас лад».**

А.П. Зонтаг серьезно и добросовестно отнеслась к поручению Жуковского. В «уютном, красивом доме» А.П. Зонтаг на Приморском бульваре, в ее «веселом обществе» Гнедич находил искреннюю дружескую теплоту и поддержку, о которых будет долго вспоминать в Петербурге. Одинокий поэт, не знавший семьи, привязался и к маленькой дочери Анны Петровны и Егора Васильевича Зонтагов. «Милой, доброй, умной Машеньке» Гнедич

* Из бумаг И.И. Козлова / Публ. А. Хомутова // Русский архив, 1886, кн. 1, с. 190.

** Уткинский сборник. – М., 1904, с. 102.

посвятил одесское стихотворение – «гекзаметрическое пророчество»* (не сохранилось).

Вероятно, Зонтаг по совету Жуковского познакомила Гнедича со своими сочинениями, потому что позже в письме в Одессу поэт вспомнит о «собрании прекрасных повестей» писательницы и «тайне слога, ей свойственного». Читал Гнедич, скорее всего, рукописи повестей (первые оригинальные произведения и сказки А.П. Зонтаг будут опубликованы лишь в начале 1830-х годов).

Весной 1828 года Жуковский отправил в Одессу «любезному Гекзаметру», «Николаю Гомеровичу», как он любил называть Гнедича, шутивное стихотворное послание, написанное торжественным гекзаметром:

Здравствуй, мой друг Николай Иванович Гнедич! Не сетуй
Долго так от меня не имея ни строчки ответной;
Ведаешь, милый Гомеров толмач, что писать я не падок!
Ведаешь также и то, что и молча любить я умею;
Можешь об этом узнать от одесской новой знакомки;
Рад я весьма за тебя, что с нею ты встретился. Верь мне,
Дружба ее целительней воздуха. Крымское небо,
Память древности светлой, величие Понта, беседы
Женщины милой, с душой поэтической, песни Гомера,
Мир души, беззаботность – все это смешай хорошенько
В чистой воде Иппокрены и пей ежедневно, и будешь
Снова здоров. Честь имею пребыть с совершенным почтеньем,
Милостивый государь, покорным слугою:
Жуковский.**

Ответное письмо Н.И. Гнедича В.А. Жуковскому (от 18 апреля 1828 года) печально. На редкость суровая одесская зима усугубила физические страдания поэта, да и творческое вдохновение, как ему кажется, иссякло:

«Прости, любезнейший друг Василий Андреевич!

* Письмо Н.И. Гнедича А.П. Зонтаг. СПб., 1830, 20 февраля // Русский архив. 1896, кн. 1, в. 1, с. 266.

** Жуковский В.А. Стихотворения. Изд. 9 / Под ред. П.А. Ефремова. – СПб, 1895, т. 2, с. 559-560.

Долее, нежели хотел бы, не отвечал на любезную, прекрасную эпистолу твою. Причина одна: трехгодовая болезнь без облегчения, без утешения, лишившая меня и здесь общества людей и воздуха целую зиму, а зима здесь была небывалая, сделала из меня совершенного негодяя, в прямом значении слова. Поэтические струны души одне у меня опустились, другие совсем оборвались; отвечать на твои стихи подлою прозою краснела авторская совесть, но дружба превозмогла: я взялся за перо, чтобы иметь давно желанное удовольствие беседовать с тобою хотя прозою.

Спасибо за рецепт, мне предлагаемый и составленный тобою, профессор и доктор поэзии и царских чертогов обитатель. К несчастью, здесь нет многих предметов, чтобы по нем сделать лекарство. Небо одесское далеко от крымского не расстоянием, а разностию. Апрель в исходе, а здесь, кроме холодных, сухих бурь и пыли, о которой не жившие в Одессе и не бывшие в пустынях Ливии не могут иметь идеи, ничего еще хорошего нет...»

На совет Жуковского, предлагающего забыться, чтобы получить исцеление, Гнедич напишет грустные, исполненные достоинством слова:

«Мир души, беззаботность? Мир совести со мною. Но кто несет на собственных плечах своих все крупные и мелкие, несносные заботы жизни, тебе с роду неведомые и мне, когда был здоров и молод, не чувствительные, тому какой мир, какая беззаботность? С нею ни есть, ни пить не найдешь дома. Итак, из рецепта остается годное мне для употребления:

Память древности светлой, величие Понта, беседы
Женщины милой с душой поэтической, песни Гомера,

чем я и пользуюсь...»***

В отрывке из стихов Жуковского, приведенном Гнедичем, прозвучало все, чем дорожил поэт в Одессе, – море, добрые друзья, память о прошлом и, главное, «песни Гомера».

Ко времени приезда Гнедича в Одессу перевод «Илиады» был в основном завершен, но поэт, отличавшийся высокой

*** Письма к Жуковскому разных лиц // Русская старина, 1903, июль, с. 119-120.

требовательностью к себе, продолжал исправлять и совершенствовать текст перевода: «Выполоскал несколько песен Гомера, но боюсь, чтобы не вышли слишком греческие», – писал Гнедич Жуковскому (Одесса, 1828 г., 18 апреля).*

Разбираться в древнегреческих терминах и названиях античных предметов помогали письма А.Н. Оленина, археолога и любителя древностей. (По свидетельству литературоведа М.П. Алексеева, жившего в Одессе в 1920-е годы, в одном из одесских музеев хранились десятки неопубликованных писем А.Н. Оленина с подробными комментариями и рисунками к древнегреческим терминам.)**

Среди одесситов также было немало знатоков и ценителей античной истории и Гомера. Здесь жил известный археолог и переводчик А.Ф. Панагиодор-Никовул, один из первых учителей одесских археологов. Быть может, именно об этом «почтенном старичке-греке» напоминал М.Е. Лобанов в письме Гнедичу от 9 декабря 1827 года, советуя поэту «сладко с ним побеседовать»*** Гнедич также мог посещать «ученый кабинет» директора музея древностей И.П. Бларамберга.

Прошлое и настоящее Греции, несомненно, было темой бесед с Александром Скарлатовичем Стурдзой (1791-1854), старым петербургским знакомым поэта. Предметом постоянного интереса писателя-богослова А.С. Стурдзы была греческая тема (мать его была гречанкой). Стурдза прекрасно владел языком предков и, по воспоминаниям Н.В. Неводчикова, «еще в юности <...> изучил древних поэтов Греции, из коих особенно любил Гомера, и даже в старости читал наизусть довольно длинные отрывки из его поэм»****

В Одессе Гнедич общался также с поэтом В.И. Туманским. В январе 1828 года И.И. Козлов прислал в Одессу свою новую поэму «Княгиня Долгорукая». Гнедич писал автору: «Сейчас посылаю

* Там же, с. 120.

** Кукулевич А.М. «Илиада» в переводе Н.И. Гнедича // Ученые записки ЛГУ, 1939, № 33, в. 2, с. 32.

*** Цит. по: М.Е. Лобанов и его отношение к Гнедичу и Загоскину // Исторический вестник, 1880, август, с. 679.

**** Диктиадис. Краткое сведение о А.С. Стурдзе // Москвитянин, 1855, № 4, кн. 2, с. 69.

просить поэта Туманского обедать у меня с «Княгиней Долго-рукою». По старой привычке ничего прекрасного не могу читать один, тяжело».

«Всего чаще и приятнее» Гнедич проводил время у Шемиотов. Князья Аргутинские были его «ближайшие соседи». Среди одесских дам в письмах Гнедича упоминаются Р.С. Эдлинг (сестра А.С. Стурдзы), В.Д. Казначеева, В.Е. Шемиот, С.С. Киселева («богиня Киселева») и ее сестра О.С. Нарышкина. Неизвестной нам даме посвящены два шуточных мадригала Гнедича «Беда» и «К куме». Эти «альбомные» стихотворения были опубликованы в прижизненном сборнике «Стихотворения Николая Гнедича» (СПб., 1832).

Пребывание в Одессе столичного литератора, знаменитого переводчика «Илиады», не осталось незамеченным и студентами Ришельевского лицея. Подтверждение этому находим на страницах рукописного литературного журнала одесских лицеистов «Ареопаг».

В журнале в марте 1828 года было помещено стихотворение «Одесская ночь», написанное под явным влиянием описания петербургской ночи в идиллии Гнедича «Рыбаки». По лицу прошли толки, что автор стихотворения – сам Н.И. Гнедич, и это послужило поводом для иронической реплики юного критика в следующем, апрельском номере «Ареопага»: «Одесская ночь» – сочинение Н.И. Гнедича – не от того ли, что написана таким же размером, как его превосходная идиллия «Рыбаки»? – несправедливо приписывать Гнедичу стихотворение, в котором заметно только дарование поэта-юноши, а не гениальность переводчика «Илиады» и сочинителя неподражаемой «Идиллии».

15 июня 1828 г. Н.И. Гнедич по ходатайству А.Н. Оленина принял в Одессе присягу на чин статского советника и получил «всемилоостивейше пожалованный» ему орден Св. Анны 2-й степени с алмазами. Об этом он доложил в официальном письме А.Н. Оленину.

***** Из бумаг И.И. Козлова / Публ. А. Хомутова // Русский архив, 1886, кн. 1, с. 190.

***** Ареопаг: Журнал литературы, критики, наук и художеств, издаваемый от пятого класса. 1828, ч. 1, с. 82-83. – ОЛМ, Рукописный фонд, КП-19888, Р-1940.

В Петербург Гнедич вернулся 17 августа 1828 года, отдохнувший, обновленный, с восстановленным здоровьем. «Я недаром целый год мок в соленой воде и вялился на солнце: стал совершенный балык, – с улыбкой писал Гнедич В.А. Олениной 11 декабря 1828 года. – Запас здоровья, каким солнце и море одесские меня подарили, до сих пор не израсходован, держусь на ногах...»*

До конца года продолжалась работа над подготовкой издания «Илиады». Перевод вышел в свет в Петербурге в начале 1829 года. «Высокий подвиг» поэта горячо приветствовал А.С. Пушкин. «Едва ли мне в жизни случится, – писал Гнедич Пушкину, прочитав его заметку, опубликованную в «Литературной газете», – читать что-либо о моем труде, что было бы сказано так благородно и было бы мне так утешительно и сладко! Это лучше царских наслаждений».**

Между тем и по прошествии времени поэт не забывал Одессу и одесских друзей. Письмо, отправленное А.П. Зонтаг 20 февраля 1830 года, рассказывает, как дороги были Гнедичу одесские воспоминания и как, несмотря на капризы погоды, поэту было тепло в нашем городе:

«Время, употребленное на его (то есть письма от А.П. Зонтаг. – Г. С.) чтение я провел с вами в уютном красивом доме на дружеском празднике, в веселом обществе вашем. Можете вообразить, сколько действию письма способствовала пустынность кабинета Жуковского, где мы читали его. Никогда не был я так неприятно поражен уединением и одиночеством жизни нашего любезного друга. Вся сладость жизни, делимой с ее радостным шумом и смехом, несколько минут перед нами играла, и вдруг мрак, пустота, безмолвие!

Вздохи в одно время у нас обоих вырвались из груди; мы оба замолчали. Я наконец грянул филиппикой против Жуковского, но голос мой, как некогда голос вопиющего в пустыне, раздавался и умирал в стошаговом кабинете...»***

* ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный фонд. Фонд 1987/8, архив Олениных, ед. хр. 880, л. 3.

** Дружеские сношения А.С. Пушкина: Письма к нему // Русский архив, 1881, кн. 1, с. 174.

*** Письмо Н.И. Гнедича А.П. Зонтаг. 1830, 20 февраля, СПб., с. 266.

В письме упоминаются и Егор Васильевич Зонтаг, которому Гнедич выражает «усердное почтение», и маленькая Машенька («...Машеньку вашу целую от сердца за то, что она в зеркальной душеньке своей сохраняет непригожий лик мой. Радуюсь громко успехам ее и тихо событию моего об ней гекзаметрического пророчества»^{****}). Далее Гнедич с интересом и теплотой справляется о многих одесских знакомых.

Между прочим поэт пишет: «От графа Михаила Андреевича (то есть Михаила Семеновича Воронцова. – Г. С.) я получил письмо о получении им «Илиа-

ды», исполненное весьма лестных и обязательных для меня выражений...».^{*****}

В Воронцовском фонде научной библиотеки ОНУ им. Мечникова нам удалось разыскать книгу, присланную Н.И. Гнедичем в дар Воронцову. На форзаце рукой поэта написано: «Его сиятельству графу Михаилу Семеновичу Воронцову от переводчика. С.П.бург. Дек. 30. 1829». ^{*****} Автограф Н.И. Гнедича напоминает о двенадцати месяцах, проведенных поэтом в нашем городе.

**** Там же.

***** Там же.

***** «Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем. – СПб., 1829, ч. 1. – Научная библиотека ОНУ им. Мечникова. Воронцов / 12661.